

0499

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Скарлет Уилсон

**ПРИКЛЮЧЕНИЕ
АНГЛИЧАНКИ
В НЬЮ-ЙОРКЕ**

Пытайся себе мерить

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Скарлет Уилсон

**Приключение
англичанки в Нью-Йорке**

«Центрполиграф»

2014

Уилсон С.

Приключение англичанки в Нью-Йорке / С. Уилсон —
«Центрполиграф», 2014 — (Любовный роман – Harlequin)

Англичанка Кэрри Маккензи уезжает в Нью-Йорк, чтобы сбежать от печальных воспоминаний. Город встретил ее новыми испытаниями – он парализован невиданным снегопадом, к тому же Кэрри находит на пороге своего дома младенца...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Скарлет Уилсон

Приключения англичанки в Нью-Йорке

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

English Girl in New York © 2014 by Scarlet Wilson
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Поезд подземки с грохотом въехал на станцию, двери открылись, и Кэрри была подхвачена толпой пассажиров на платформе. Она сжалась от холода в своем тонком пальто, которое купила через Интернет – там оно выглядело основательнее.

Она едва удержалась от того, чтобы не прижаться к человеку, оказавшемуся перед ней в набитом людьми вагоне. Почти все поезда в городе двигались с вынужденными остановками из-за неожиданного и сильного снегопада.

Улицы из уныло серых и шумных за несколько часов сделались совершенно белыми, а под огромными сугробами ничего нельзя было различить.

Такого бурана в октябре в Нью-Йорке никогда не было. Репортерам крупно повезло с новостями. Ну, тем, кто был в студии, а не на улицах. Кэрри прекрасно это понимала. Ее зимнее пальто должны доставить через две недели. Да она околеет от холода до этого времени. Пальцы у нее уже побелели и онемели. Хорошо хотя бы, что из носа не капает, потому что при такой температуре капли превратились бы в сосульки.

– Отменили несколько автобусов, – пробормотала женщина рядом с Кэрри. – Мне придется добираться домой с тремя пересадками.

У Кэрри по позвоночнику пробежала дрожь. Только бы поезд доехал до конца линии! Этот участок метро не весь находился под землей – частично поезда выходили на поверхность, и Кэрри видела, как падают вокруг них крупные снежинки.

Провести год в Нью-Йорке представлялось ей волшебством. Это – возможность убежать от ее *annus horribilis*¹.

Убежать от всех, кто знал ее, знал то, что с ней случилось и что преследовало ее целый год. Единственное, что она взяла с собой, – это ее образцовая служебная характеристика. В том черном тумане, окутавшем весь ее прошлый год, это было яркой путеводной звездой.

Она не сразу догадалась, в чем дело, когда босс пригласил ее к себе в кабинет, предложил сесть и посмотрел на нее одновременно сочувственно и жестко. Прокашлявшись, он произнес:

– Кэрри, нам необходимо, чтобы кто-то отправился в Нью-Йорк, представлял там лондонский офис и подготовил все для нового проекта. Я понимаю, что этот год был у вас очень трудным. Но вы – самая подходящая кандидатура. Конечно, если я слишком многого требую... – Он не договорил, но подтекст был ясен – ей перейдут дорогу два ушлых интерна.

Она прикусила губу:

– Нет. Все своевременно. Новое место – это то, что мне необходимо. Возможность на какое-то время сменить обстановку.

Шеф кивнул и протянул ей руку:

– Я рад, что вы согласились. Ни о чем не беспокойтесь. У фирмы есть квартира в Гринвич-Виллидж на Манхэттене². Это приятное, тихое место, и туда удобно добираться.

– Когда я должна уехать?

Он кашлянул.

– Через три недели. – И поспешил улыбнуться. – Один из наших партнеров отправляется в Японию, и ему нужно ввести вас в курс дел до своего отъезда.

Кэрри надеялась, что у нее на лице не отразился ужас. Всего три недели! Она встала и поправила юбку.

– Я успею. – Голос у нее дрогнул, и она надеялась, что шеф не заметил.

Он тоже встал:

¹ Ужасный год (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)

² Манхэттен – центральная часть Нью-Йорка.

– Замечательно. Кэрри, я уверен, что вы прекрасно со всем справитесь.

Поезд подъехал к следующей станции. Люди вокруг задвигались. Стало еще теснее, поскольку в вагон влилась новая толпа пассажиров. Такое впечатление, что все жители Нью-Йорка разъезжаются по домам пораньше.

До нее дотронулась чья-то рука – ей устало улыбнулась женщина:

– Передали по радио, что закрыли Центральный парк – рухнуло дерево под тяжестью снега. Господи, хоть бы школьные автобусы доехали до дома. Не хватает снегоочистителей, и некоторые дороги перекрыты. А песок не смогут доставить еще две недели. – Она раскраснелась и лихорадочно продолжила: – Я такого никогда не видела, а вы? Уверена, что за пару дней нас всех занесет.

Кэрри уныло пожала плечами:

– Я не местная. Я из Лондона, а в Нью-Йорке я впервые.

Женщина вздохнула:

– Бедняжка. Ну что ж, добро пожаловать в наш бедлам.

Поезд выехал со станции, но скорость не набрал, а полз еле-еле, то ли от снега на рельсах, то ли от тяжести вагонов, переполненных пассажирами, пытавшимися добраться домой, пока не наступил транспортный коллапс. Хоть бы доехать! Ей осталось всего две остановки до дома.

Дом. Неужели здесь ее дом?

Квартира в Вест-Виллидж³ была роскошной. Конечно, не пентхаус, но в районе богатых особняков. Здесь что-то напоминало Лондон, было много шикарных магазинов, кафе и ресторанов. Но все равно это не ее дом.

Сегодня, в центре снежного бурана, ей захотелось вернуться домой, вдохнуть запах кипящего на плите супа, услышать, как журчит вода в ванне с пенными пузырьками и зажженными по краям свечами. Она хотела уехать куда-нибудь, где задернуты шторы на окнах, а в камине приветливо поблескивает огонь. Что угодно, но не звук собственных шагов по деревянному полу в пустой квартире. И сознание того, что единственное живое существо, с кем она заговорит по пути на работу, будет хозяин кофейного ларька на другой стороне улицы.

Кэрри поморщилась. Возможно, скоро и этого не произойдет. Небо быстро темнело. Наверное, женщина рядом с ней права: их занесет снегом, и она, вероятно, много дней не будет вообще ни с кем разговаривать. У нее достаточно работы на несколько дней, так что можно не думать о том, чтобы возвращаться в офис. Если снегопад продлится, то она долго не увидит никого из сотрудников.

Жители в ее доме кивали ей при встрече, но разговор ни разу не завязывался. Даже добродетельного приветствия не было. Вероятно, они просто привыкли, что в одной из квартир живут бизнесмены, которые через несколько недель уедут. Поэтому какой смысл знакомиться?

У Кэрри по позвоночнику снова пробежали холодные мурашки. А хватит ли у нее запасов еды? И вообще, каково ей будет оказаться в заснеженном Нью-Йорке, где она практически никого не знает? Конечно, за прошедшие два месяца она общалась с сотрудниками в офисе и даже пару раз присутствовала на небольших вечеринках после работы. Но обстановка в офисе не располагала к легкому общению. Там все исступленно работали, чтобы успеть закончить проекты в срок. Коллеги? Да, но не друзья.

Поезд, дернувшись, остановился на Четырнадцатой улице, и двери раскрылись.

– Все на выход!

По вагону пронесся общий стон и крики:

– Что такое?

– Нельзя проехать?

– Что случилось?

³ Вест-Виллидж – местное название района Гринвич-Виллидж на Манхэттене.

У двери появился дежурный:

– Это последняя остановка. На путях снег. Все поезда стоят. Просьба к пассажирам выйти.

Кэрри посмотрела на табличку. Четырнадцатая улица. Одна остановка до ее дома. Она опустила глаза на свои короткие сапожки из красной замши. С ними придется попрощаться. Она боялась представить, во что превратятся сапоги, когда она доберется до дома по глубокой грязной слякоти.

Толпа выплеснулась на платформу и двинулась к выходу на Четырнадцатую улицу. Кругом раздавались взволнованные голоса – люди обсуждали, как им доехать до дома. Она-то, по крайней мере, сможет пойти пешком, невзирая на снегопад.

Небо быстро темнело, над головой нависли серые тучи, из которых валил снег.

Снег. Это ведь такое красивое зрелище. Дети вырезают из бумаги снежинки, потом приклеивают их на синюю бумагу и украшают классную доску или приделывают нитки и вешают на елку.

Сегодняшний снег не похож на рождественский, который описывают в книжках. Глубокие сугробы возвышались по краям улиц, покрывали дороги и остановили транспорт. Снег уже не был белым, а превратился в серую, скользкую, густую грязь.

Сзади, на другой стороне улицы, раздался треск и крики:

– Уходите! Скорее!

Кэрри увидела, как большая куча снега медленно соскальзывает с крыши четырехэтажного дома. Люди торопливо шли по улице, не видя, что делается у них над головой.

Это было похоже на замедленную сцену в кинофильме, когда осознаешь неизбежность происходящего, а вмешаться не можешь. У нее в горле застрял комок. Женщина в красном пальто. Маленький мальчик. Пожилая пара идет, взявшись за руки. Несколько бизнесменов, подняв воротники пальто, сосредоточенно говорили по мобильникам.

Промелькнул кто-то в темно-синем. Женщина в красном пальто и мальчик были откинута на середину пустой мостовой. Пожилые люди вжались в стеклянную витрину магазина, и отчаянные крики заставили мужчин отвлечься от мобильных.

Раздался глухой удар – это упал снежный ком, подняв в воздух клубы белой пыли. Грязные брызги полетели в лицо Кэрри.

На несколько секунд наступила полная тишина, которую тут же нарушил плач маленького мальчика, упавшего на дороге. Затем начался хаос. Прохожие кинулись к женщине и ребенку, помогая им встать и пройти до ближайшего кафе. Кто-то отвел в сторону пожилую пару, спрятавшуюся под козырьком магазина.

– Где полицейский?

Полицейский. Тот, который бросился на помощь? Кэрри заметила синие огоньки машины полиции. Полицейские автомобили – настолько постоянное зрелище в Нью-Йорке, что она не обращала на них внимания.

Она увидела, как из сугроба, барахтаясь и чертыхаясь, вылез полицейский вместе с одним из мужчин.

Кэрри толкнули сзади, и она машинально зашагала по грязному тротуару. Чем она может здесь помочь? Она не умеет оказывать медицинскую помощь, а на улице есть люди, готовые и умеющие это делать. Она увидела, как полицейский отряхивает снег с форменной куртки. Он показался ей знакомым. Но откуда? Где она его видела? У него как-то странно была вывернута рука, и он озирался, словно проверял, всех ли людей он спас.

– Вытритеесь. – Какая-то женщина сунула ей под нос бумажный платок и указала на забрызганные грязью пальто, сапоги и лицо.

Кэрри повернулась к витрине магазина. Боже, она похожа на мокрую кошку.

– Спасибо, – пробормотала она. Светло-зеленое пальто придется выбросить. На этикетке значилось: «Только сухая чистка», но пальто это уже не поможет.

Она посмотрела на темное небо. Пора возвращаться домой, нравится ей этот дом или нет.

Дэниел Купер откашлялся и сплюнул. Небо Нью-Йорка обрушилось на него кучей серо-белого снега. Но разве снег не легкий и пушистый? Почему ему кажется, что его придавило? Боль прострелила руку. Он не стал обращать на это внимания и приказал себе думать только о деле.

Над ним послышался шум и шорох. Он снова сплюнул. Снег попал ему в нос. Странно оказаться под сугробом. Почти нереально.

Он не мог двигаться. А Дэн не любил, когда что-то было не в его власти.

Вдруг пара сильных рук потянула его наверх и вытащила из снега. Он повернул голову, чтобы убедиться, в безопасности ли мать и ребенок.

Они там – на другой стороне улицы. Он увидел ее красное пальто. Конечно, отбросить их на середину улицы – не самое разумное действие, но машин поблизости не было видно. Вокруг них столпились люди, но оба живы, пусть и испуганы. Женщина подняла голову и встретилась с ним взглядом. Она явно была в шоке, глядя на огромную кучу снега, под которой они едва не погибли. Губы сложились в молчаливое «спасибо».

Он улыбнулся и с облегчением выдохнул. Снег попал ему за ворот, таял и стекал по спине.

Пожилая пара... Где они? И почему у него так сильно болит кисть? Он обернулся. Пожилых людей переводили через улицу. Слава богу. Он вздрогнул. Страшно представить, что с ними могло быть – и переломы, и сотрясение мозга.

– Дружище, что с вашей рукой? – Перед ним остановился прохожий в толстом шерстяном пальто – он участливо смотрел на Дэна.

Дэн отвел глаза и посмотрел на кучу снега, которая его накрыла: оттуда вылезали куски шиферной кровли. Ему просто повезло, что обломок упал на руку, а не на голову.

– Я займусь рукой позже, – пробормотал Дэн. – Уверен, ничего серьезного. А сейчас хочу убедиться, что с людьми все в порядке.

– Для того парня вызвали «скорую». – Мужчина кивнул в сторону тротуара, где сидел пострадавший: его явно мутило.

Честно говоря, Дэн сам был не в лучшем состоянии. Но он, разумеется, этого не покажет.

Он стряхнул снег с форменной куртки.

– Лучше отвезти его в больницу на Шестнадцатой улице. – И помахал другому полицейскому. – Сможешь договориться, чтобы его увезли? Сколько времени сюда может добираться «скорая»?

Тот покачал головой и развел руками:

– Весь город практически стоит. Я бы не рассчитывал, что кто-нибудь сюда скоро доедет. – Он посмотрел по сторонам. – Проверю, сколько еще людей нуждаются в помощи, – и указал на Дэна, – включая тебя, а затем доставлю всех в больницу. – И закатил глаза. – Дежурство обещает быть долгим.

Дэн поморщился. Город уже в критической ситуации. Люди застряли на улицах и не могут попасть домой. Перелеты отменены. Общественный транспорт работает с перебоями. Какая польза от него с пораненной рукой?

Ему стало неловко, когда он окинул взглядом улицу, переполненную людьми. Он должен помогать им, выполнять свою работу, а не прятаться в ближайшей больнице. У него внутри все бунтовало против беспомощности, когда что-то выше его сил. Он видел, как со стороны станции подземки на Четырнадцатой улице тротуары заполняются толпами.

Ситуация ухудшается.

Кэрри выглянула в окно. Солнца не видно, улицы блестят под снегом. Это уже не отвратительная слякоть, по которой она тащилась домой, а свежий, белый снег. Приятно смотреть на такой снег из теплой квартиры.

В животе у нее забурчало. Слава богу, что мистер Мелтцер живет в квартире над своим магазином. Все магазины в квартале закрыты. Она оглядела свои запасы: молоко, вода, хлеб, рогастики, сыр, макароны и шоколад. Эта еда ее устраивает. Если ей предстоит сидеть в заснеженном Нью-Йорке, то хотелось бы есть то, что она любит и что пойдет ей на пользу. После пережитого в прошлом году стресса она так и не набрала потерянный вес. Надо набрать вес, чтобы одежда не висела. Странно, что некоторые женщины сидят на разнообразных диетах, а все, чего хочет она, – это снова вернуть прежнюю форму.

Вдруг она насторожилась. Опять тот же непонятный звук, из-за которого она подошла к окну. Вообще, в этой квартире полно звуков, но к большинству она уже привыкла. Бульканье в трубах, скрип дверей и половиц, необъяснимые сквозняки. А этот звук не похож ни на что. Кажется, он раздается снаружи.

Кэрри прижала нос к стеклу, которое тут же запотело от ее дыхания. На улице царил мертвая тишина. Кто отважится выйти в такой вечер? Новостные каналы предупреждали, что не стоит выходить на улицу без особой необходимости. Все, кто в своем уме, сидят дома.

Кэрри приоткрыла окно, впуслав струйку холодного воздуха. Хорошо, что она в теплой пижаме, носках для сна и толстом халате.

Она, затаив дыхание, прислушалась. Снова этот звук. Похож на мяуканье. Неужели кошка? Из нижней квартиры доносилась громкая музыка. Там, кажется, живет полицейский, и он, разумеется, ничего не слышит. Она даже не знает, как его зовут. Она видела его в форме полицейского. Высокий, темноволосый и красивый. Но с тех пор, как она приехала, он ни разу не взглянул в ее сторону.

Кто же оставил кошку на улице в такой вечер? Ее начала мучить совесть. Что ей делать? Может, это всего лишь котенок, который испугался снега и не знает, как найти дорогу домой? Спуститься вниз и посмотреть или нет? Кэрри оглядела свой ночной наряд. У нее это займет всего-то две минуты. Никто ее не увидит.

Она подхватит кошку и принесет ее к себе. Даст ей напиться и согреться у камина. Кошка... Ей даже стало тепло на душе. У нее никогда не было кошки. По крайней мере, будет с кем поговорить.

Кэрри открыла дверь и выглянула на лестничную площадку. Все благополучно сидят по квартирам. Она быстро спустилась вниз и отперла тяжелую входную дверь.

Нет. Этого не может быть.

Она заморгала и захлопнула дверь.

Сердце гулко стучало. Она считала удары: один, два, три, четыре, пять. У нее что-то не в порядке с головой. Может, она вообще спит – заснула на диване перед поблескивающим огнем.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Кэрри снова очень медленно повернула ручку, моля Бога, чтобы все это ей привиделось. Холодный ночной воздух заполнил легкие, и волосы у нее зашевелились. Но не от холода. Это был ребенок. Кто-то оставил на пороге ее дома младенца.

Глава 2

Какое-то мгновение Кэрри не могла пошевелиться. Мозг не работал, тело застыло. То, что она приняла за мяуканье, на самом деле оказалось плачем. И с каждой секундой этот плач пугал ее все сильнее.

Первое желание – бежать. И быстро. Скрыться, забаррикадироваться, спрятаться. Ничего хорошего ее не ждет.

Но... она не смогла подавить естественный инстинкт, как бы ни старалась. И она сделала то, что сделала бы любая мать, – она подняла маленький сверток и прижала к груди.

Одеяло было холодным, и от потрясения ее заколотило.

О нет. Ребенок...

Без единой мысли в голове она прошла к ближайшей квартире – той, откуда раздавалась ритмичная музыка, – и громко постучала кулаком.

– На помощь!

С минуту никто не отвечал. Потом музыку выключили, и она услышала шлепанье босых ног по деревянному полу. Дверь открылась, и... она чуть не задохнулась.

Это был он. Спутанные темные волосы, усталые глаза и голая грудь. На нем только облегающие бедра джинсы, а на кисти ярко-розовая гипсовая повязка. Но все равно он великолепен. Кэрри смущенно заморгала, пытаясь совладать с собой. Он нахмурился:

– Что, черт...

Она быстро прошла мимо него в квартиру.

– Мне нужна помощь. Я нашла ребенка на пороге нашего дома.

– Ребенка? – он явно был поражен, затем положил руку ей на плечо, провел в комнату и усадил в кресло у камина.

– Что мне делать? Что мне делать с ребенком? Кто мог так поступить? – Она бессвязно бормотала, не владея собой. Она в Нью-Йорке, в квартире незнакомого мужчины, с подкинутым младенцем и... в пижаме.

Этого не могло произойти в действительности. Мозг подавал ей громкий сигнал убираться отсюда. Но она не слушала. Не могла слушать.

Она не отрываясь смотрела на сверток в одеяле, на маленькое личико. Глаза ребенка были закрыты, но лобик наморщен. Это девочка? Или мальчик? Внутри у нее что-то сжалось.

Она не должна здесь находиться. Ни в коем случае. Она – последний человек на свете, кто может позаботиться о ребенке.

Мозг кричал об этом, а тело не слушалось, не повиновалось ей. Она подняла руку и пальцем погладила холодную щечку.

День Дэна Купера из неудачного превратился в нелепый. Он узнал ее. Конечно же он ее узнал. Она – девушка с печальными глазами, что живет наверху.

Он чувствовал, что ее взгляд остановился на его голой груди. Если бы не ее настойчивый стук в дверь, он успел бы надеть рубашку. А сейчас он схватил футболку со спинки дивана, потом снова посмотрел на нее. Она, кажется, немного успокоилась и перестала бормотать. Она вообще замолчала, сидела перед камином и смотрела на ребенка, как загнипнотизированная.

Выучка полицейского заставила его действовать. Только бы у нее голова не поехала. Этого ему еще не хватало для полноты картины сегодняшнего дня!

Он подошел к ней, дотронулся до ее руки и, опустившись на колени, заглянул в глаза:

– Как вас зовут?

Она бросила на него беглый взгляд:

– Кэрри. Кэрри Маккензи. Я живу наверху.

Он кивнул. Он заметил ее акцент. В той квартире часто жили служащие зарубежных фирм. Эту девушку он видел, но ни разу с ней не говорил. Она всегда выглядела так грустно, словно на нее свалились все несчастья на земле.

Может, она была беременна? Но он заметил бы. А может, она самостоятельно родила ребенка у себя наверху?

Он окинул ее внимательным взглядом. Пижама и халат могут скрыть что угодно.

Дэн сделал глубокий вдох. Нельзя терять время – он должен задать ей вопрос.

– Кэрри... это ваш ребенок?

– Что? – Она резко вскинула голову и в ужасе посмотрела на него. Но... в ее взгляде он увидел еще что-то. – Нет, разумеется.

Какое облегчение. Он не один год проработал полицейским, чтобы не отличить правдивый ответ от вранья. Слава богу. Ненормальная соседка с младенцем... Это был бы перебор.

Он протянул руку и откинул край шерстяного одеяла с лица ребенка. Ребенок дышал, но щеки у него были бледные.

Ближайшая детская больница была рядом с Центральным парком. В такую погоду им туда не добраться. И «скорая» наверняка застрянет по дороге. Хотя он не был специалистом, но ребенок, по его мнению, выглядел здоровым.

Дэн встал:

– Каким образом вы нашли ребенка?

Она наморщила лоб:

– Я услышала шум и подумала, что это кошка. Я спустилась вниз, чтобы посмотреть.

– Вы подумали, что это кошка? – не поверил он.

Голубые глаза сощурились: его тон ей не понравился.

– Видите ли, трудно что-либо разобрать, когда грохочет ваша музыка.

А мисс с печальными глазами, оказывается, не такая уж робкая особа.

– И когда вы слышали звуки?

Это было важно. Очень важно.

Она покачала головой:

– Не знаю. Может, минут пять назад. Может, больше.

Он быстро схватил куртку с вешалки у двери и сунул босые ноги в бейсбольные ботинки.

Она встала:

– Вы куда? Не оставляйте меня одну. Я не умею управляться с младенцами.

Он повернулся к ней:

– Кэрри, ребенка оставили около нашего дома. Там на улице, возможно, кто-то попал в беду. Я должен проверить.

Она закусила губу, посмотрела на ребенка и еле заметно кивнула.

А Дэн вышел из дома на холод и огляделся. Куда идти? Кругом ничего и никого, кроме снега. Любой след замечает через пару минут – такой сильный и густой снегопад.

Дэн перешел улицу и внимательно осмотрел их дом. Почему выбран именно этот дом? Почему кто-то оставил ребенка здесь?

В домах на другой стороне улицы свет горел в основном на втором и третьем этажах. Их дом – единственный, где свет был на первом этаже. Понятно. Кто-то хотел, чтобы ребенка нашли поскорее.

Дэн быстро прошел по улице, ища хоть какой-то знак, какую-то подсказку. Он заглянул в проходы между домами, проверяя, не укрылся ли кто-нибудь за мусоросборниками, вглядываясь в дверные проемы.

Никого и ничего подозрительного.

Он проверил переулки по обеим сторонам улицы. Надо было надеть носки – парусиновые бейсбольные ботинки успели промокнуть. Температура, должно быть, упала на несколько градусов, поскольку солнце уже зашло. Он провел на улице всего несколько минут, а уже замерз.

Дэн поднял голову, и сердце у него подпрыгнуло: у окна его квартиры стояла Кэрри, держа на руках ребенка. На ее лице было написано отчаяние и ожидание, словно она надеялась, что он найдет мать этого младенца.

Он не представлял, что когда-нибудь увидит такое – женщина с ребенком в окне его комнаты. Она подняла жалюзи, и за ее спиной был виден большой, немного продавленный диван, старое бабушкино кресло с высокой спинкой, обеденный стол. Комод. Кухонный стол. Картина над камином.

Что-то его задело. Его квартира – это его личное пространство, куда он почти никого не приглашал. Пересчитать знакомых девушек, переступивших его порог, он мог бы на пальцах одной руки. Ну, он, конечно, встречался с девушками, но стоило им после нескольких месяцев посмотреть на него с надеждой на продолжение отношений, как он всегда находил возможность осторожно с ними порвать.

Поэтому, увидев Кэрри в своей квартире с ребенком на руках, он мгновенно принял решение держаться от нее подальше. И чем скорее, тем лучше.

Но... она очень милая. И к тому же из Лондона. Значит, у нее нет планов здесь оставаться. Может, легкий флирт, чтобы убить время?

Дэн призвал себя очнуться и еще раз проверить улицы. Но никого не обнаружил – улицы были пусты.

Непривычно наблюдать улицу, где живешь, не из-за отдернутых штор, а снаружи. Дэн очень любил свой дом. Бабушка оставила ему эту квартиру по завещанию, и он знал, как ему повезло. Ни один полицейский на свою зарплату не мог себе позволить такие апартаменты. А ему всего лишь остается платить по счетам.

Неожиданно ему пришла в голову одна мысль. Вечером он не закрыл плотно жалюзи, и, может, поэтому кто-то, увидев свет, оставил ребенка на пороге его дома, решив, что здесь младенец будет в безопасности.

Снегопад усилился – он почти ничего не видел перед собой. Дальше искать бесполезно. Надо подумать о том, что важно в данный момент. Ребенок.

Дэн торопливо вернулся к себе в квартиру.

– Никого? – Кэрри с беспокойством смотрела на него. Это обычное беспокойство или тут кроется что-то еще?

Он покачал головой, стянул куртку и повесил на крючок за дверь.

Дэн подошел к окну, где она стояла, и бросил еще один взгляд на пустынную улицу, ища какою-нибудь тень или движение. Никого. Полная тишина за окном.

Он повернулся к Кэрри и смотрел на то, как она держит на руках ребенка. Он чувствовал, как ей неловко. Она сказала ему, что не умеет обращаться с младенцами. Ну и он тоже не умел. Но в такую непогоду они вряд ли смогут получить помощь.

Большинство живущих на этой улице людей не имели семей. Правда, была немолодая пара – они жили здесь с незапамятных времен. Была еще миссис Ван-Дайк – ее квартира наверху, но ее семья давным-давно уехала. На самом деле не было никого, к кому можно было обратиться за помощью.

Дэн наблюдал за Кэрри. Она не сводила глаз с младенца. Дэн заметил, что она так сильно взволнована, что подрагивали ее каштановые кудри, а щеки порозовели, словно ей было жарко.

Она красива. А она сама это сознает? Сейчас, когда он стоит близко от нее и может хорошенько ее разглядеть, Кэрри Маккензи казалась ему красивой. Даже с печальным выражением голубых глаз. Интересно, каковы ее глаза в счастливые моменты? Наверняка искрятся, как солнце, когда оно отражается в бирюзово-синем море.

Они стоят слишком близко. Ему даже показалось, что его дыхание задевает ей кожу. А ее кожа пахла апельсином – видно, она принимала ванну с этим экстрактом. Ее запах напоминает теплый летний день и особенно притягивает в занесенном снегом Нью-Йорке. И намного приятнее приторных духов, которыми злоупотребляют некоторые женщины.

Она подняла на него грустные голубые глаза и не отстранилась. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так близко стоял рядом с красивой женщиной в своей квартире. И уж точно не с одетой в пижаму и халат.

Дэн улыбнулся. Если он и рисовал в своем воображении женщину, то не в толстой пижаме и теплых носках. Она заморгала, и он отбросил подобные мысли, вернувшись в реальность.

– Я даже не знаю, как вас зовут, – прошептала она.

Ну и ну. Он действительно не назвал себя. Почему? Бабушка убила бы его за невоспитанность.

– Дэн. Дэниел Купер.

– Дэниел, – медленно повторила она, пристально глядя на него, словно сопоставляла его лицо и имя. – Рада с вами познакомиться, Дэниел. Даже если я едва одета.

Ему понравилось, что она, несмотря на дрожащие от страха руки, смотрит ему прямо в глаза и шутит.

Ребенок пискнул, напоминая о своем существовании. Дэн выразительно поднял брови:

– Может, посмотрим, кто у нас: мальчик или девочка, – и забрал от нее сверток в одеяле, заметив, что она облегченно выдохнула.

Дэн подошел поближе к окну и развернул одеяло. Из-за гипсовой повязки сделал он это неловко. На младенце не было никакой одежды, даже подгузника. Только смятое полотенце. Кэрри, подавив вскрик, зажала ладонью рот при виде куска нитки вокруг едва высохшей пуповины.

У Дэна перехватило дыхание.

– Как я уже говорил, я не знаток, но мне кажется, что у нас новорожденный. – В голове роилась тысяча мыслей, но он отбросил их. – И могу нас поздравить с мальчиком. – Он снова завернул младенца в одеяло и пристроил у себя на плече. – У меня есть знакомая – она работает в детской больнице. Я ей позвоню. Она педиатр. А раз мы оба не знаем, что делать, а другой помощи ждать неоткуда, то самое лучше – позвонить ей.

Он подошел к телефону, набрал номер и включил громкую связь. Он прижал ребенка к плечу, стараясь не задеть его гипсовой повязкой.

– Не могли бы вы позвать доктора Адамс? Скажите ей, что это сержант Купер, и это срочно. Спасибо.

Прошло всего несколько секунд.

– Дэн? Что случилось?

Какое облегчение! Шэна – самый лучший детский врач. Она скажет ему в точности, что делать.

– Привет, Шэна. У меня тут проблема. На порог моего дома подкинули новорожденного ребенка.

– Что? – В трубке послышалось нескрываемое удивление. – В такую погоду?

– Да.

– Насколько он замерз? У тебя есть термометр? Какого цвета кожные покровы? И как он реагирует?

Тут вмешалась Кэрри:

– Мы думаем, что он был на улице минут пять. Кожа у него была холодной, и он был бледным. Но сейчас начинает согреваться и немного порозовел. Дэн, у вас есть градусник? У меня нет.

– Кто это?

Дэниел кашлянул.

– Кэрри, моя соседка сверху. Это она услышала плач ребенка. Шэна, у нас нет термометра.

– Не важно. Он плачет? Это хороший признак.

Кэрри покачала головой:

– Это скорее писк.

– Хорошо, что он издает хоть какие-то звуки. Вы сказали, что он новорожденный. Пуповина есть? Она перевязана?

– Да. Ниткой. Выглядит не очень чисто. Но младенец голый – он просто завернут в одеяло. И без подгузника.

– Видно, заранее это не готовилось. Сомневаюсь, что мать наблюдалась перед родами. Ребенок выглядит доношенным?

Дэниел пожал плечами и посмотрел на Кэрри, которая тоже пожалала плечами и одними губами произнесла:

– Я не знаю.

– Честно говоря, Шэна, мы оба не уверены. На вид он доношенный. А как выглядит доношенный младенец?

– У него есть сосательный рефлекс.

– Что? Я понятия не имею, о чем ты. – Для Шэны эти вопросы естественны, она задает их каждый день, но для него это сродни тарабарщине.

В трубке послышался сдавленный смех.

– Пусть один из вас тщательно вымоет руки под краном, потом коснется пальцем ротика ребенка. Я хочу знать, повернется ли он в эту сторону, чтобы сосать.

Дэниел кивнул Кэрри. Она подошла к раковине и стала мыть руки.

– Шэна, подожди минутку.

Кэрри вытерла руки и подошла к Дэну. Она нерешительно поднесла палец к губам ребенка и осторожно погладила крошечный ротик. И ребенок, отвечая на ее прикосновение, повернулся и разомкнул губы.

– Да, Шэна. Он реагирует.

– Хорошо. Это свидетельствует о том, что он выношен. – Шэна вздохнула. – Дэниел, но я скажу то, что тебе не понравится.

– Что не понравится?

– Я не смогу прислать кого-нибудь из больницы за этим ребенком. Наше отделение скорой помощи переполнено, все заняты, по улицам не проехать. Судя по сводкам погоды, такое продлится еще несколько дней. Слава богу, что с вашим младенцем все в порядке, но его необходимо обследовать, как только это станет возможно. Я дам знать социальной службе, но, учитывая кризисную ситуацию... Они не смогут добраться до вас раньше чем через несколько дней. А пока первое, что ты должен сделать, – это покормить младенца. Есть где-нибудь поблизости магазин, где можно купить детское питание?

Дэн растерялся. Совершенно растерялся. Он никогда в жизни не интересовался товарами для детей. Где, о господи, он возьмет детское питание?

Кэрри дотронулась до его руки:

– Мистер Мелтцер живет над своим магазином. Я уверена, что у него есть сухие детские смеси и пеленки.

– Шэна, ты что, действительно думаешь, что мы сможем ухаживать за младенцем?

– Дэниел Купер, ты – один из самых ответственных людей, каких я знаю. В данной ситуации только такому, как ты, я смогла бы доверить новорожденного. Ты сейчас в роли новоиспеченных родителей – они тоже не имеют никакого опыта и тоже учатся. И ты будешь делать то же самое.

– Но у них было девять месяцев, чтобы привыкнуть к этой мысли и прочитать десятки книг о том, что надо делать.

– А у тебя на телефоне личный педиатр. Хотя я не думаю, что понадобится тебе.

У Дэна часто застучало сердце. Нет, он по-настоящему не испугался. Он – нью-йоркский полицейский и много чего пережил. В него стреляли, нападали с ножом; он предотвратил похищение молоденькой девушки и смог сдержаться и не расправиться с похитителем. Ему удалось убедить одного парня не прыгать с крыши. Но сейчас? Няньчиться с младенцем? Почему это кажется более страшным, чем все остальное?

– Шэна, я неподходящий для этого человек.

– С чего ты взял? Ты практичный. Ты находчивый. И прямо сейчас ребенку не на кого рассчитывать, кроме тебя. – И с раздражением добавила: – У тебя даже есть помощница – твоя соседка.

Он бросил взгляд на Кэрри – она отчаянно замотала головой, а губы сложились в слово «нет».

– Дэниел, перебьешься. Позвони мне, если будут вопросы. – Телефон со шелканьем отключился.

У Кэрри буквально отвисла челюсть.

– Перебьешься? Дэниел? Она так прямо и сказала?

Кэрри почти закричала, и ребенок в ответ на шум начал корчиться на руках Дэна. Это что, тоже положительный знак?

Дэн пожал плечами:

– Она – старшая сестра моего лучшего друга. Не в первый раз Шэна говорит мне это... и не в последний. – Он подошел к дивану и сел. Да, этот малыш весит больше, чем можно предположить. Или ему так кажется из-за того, что он не может держать его как следует одной рукой. – Я должен позвонить в полицейский участок и сообщить начальству о подкинутом ребенке.

Кэрри устало опустилась рядом с ним на диван. Зажмурившись, она произнесла:

– Дэниел, мне очень жаль, но я не смогу вам в этом помочь. Дети... они не для меня. От меня никакого проку. Я ничего в этом не смыслю.

Он уставился на нее:

– Вы шутите?

– Нет. С чего вы взяли?

Дэн недоверчиво покачал головой:

– Вы появились в моей квартире с ребенком, а теперь хотите свалить его на меня в такую непогоду?

Она побледнела.

– Но я...

Он усмехнулся:

– Вы тоже перебьетесь, Кэрри.

Она шумно выдохнула и отодвинулась от него.

Он помахал рукой в гипсе. Он не допустит, чтобы она оставила его одного.

– Как я буду купать ребенка? Конечно, я смогу, вероятно, накормить его из бутылочки. Но, Кэрри, будьте же практичны – я едва ли подхожу на роль няньки. – Он заметил, как она уставилась на его розовую гипсовую повязку. – Самое меньшее, что вы можете сделать, – это помочь мне.

У нее покраснели щеки, словно она только сейчас поняла, как низко она поступит, если уйдет.

– Каким образом это произошло? – Она указала на его руку. – И почему розовый цвет?

Он фыркнул:

– Уверяю вас, я его специально не выбирал. С крыши упал огромный ком снега, а я оттолкнул в сторону прохожих.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами:

– Это произошло на Четырнадцатой улице? Так это были вы?

– Откуда вам об этом известно?

– Я была там и видела, как это случилось. – Она склонила голову набок, продолжая внимательно на него смотреть. – Я вас не узнала – ведь мы не были знакомы. – И дотронулась до его повязки. – Я помню... помню, что у вас как-то странно вывернулась рука. Перелом?

Он кивнул.

– А почему розовый цвет?

Он улыбнулся и махнул рукой:

– Кажется, что сегодня в больницу на Шестнадцатой улице ринулся с переломами весь город. Там остался только такой цвет.

Кэрри вдруг засмеялась:

– Могу представить ваше лицо.

Он тоже засмеялся:

– Это меня не сильно впечатлило. У меня перед глазами все потемнело и выглядело скорее синим.

– Не розовым?

– Точно не розовым.

Она покачала головой:

– Там было по-настоящему страшно. Я помню, как все закричали. А та женщина в красном пальто и ее мальчик? И пожилая пара? Что с ними?

Она там была. И помнит детали. Эта девушка вполне могла бы работать полицейским.

– С ними все в порядке. Но один из прохожих подвернул ногу, а другому удар пришелся по голове.

– Слава богу, что вы оказались там.

Перед его глазами промелькнула картина: женщина в красном пальто прижимает к груди сынишку и одними губами шепчет «спасибо». Ему и этого было достаточно. Он выполнял свою работу не ради благодарности.

Маленький сверток в его руках шевельнулся и захныкал. Щеки младенца порозовели, изо рта показался язычок. Дэн вздохнул:

– Наш мальчик, по-видимому, проголодался. Я позвоню мистеру Мелтцеру и спрошу, не откроет ли он магазин, чтобы мы могли купить детское питание. Вы знаете, как готовить детские смеси?

Кэрри отчаянно замотала головой.

– Я же вам говорила: я не могу помогать. Я не умею этого делать.

Но Дэн уже встал и всучил ей ребенка, не обращая внимания на ее протесты.

– Мой компьютер рядом с вами. Поищите в Интернете, а я пошел. – Он полистал телефонный справочник и ввел в мобильник нужный номер. – Вернусь через пять минут.

Дэн схватил куртку и направился к двери. Что у нее за проблемы? Разумеется, не все женщины хотят быть мамами, но он предполагал, что любая взрослая женщина умеет оказать помощь в случае необходимости.

Но, вероятно, в нем заговорил полицейский. Вероятно, он слишком много ждет от обычного человека. Правда, он заметил, как она смотрела на ребенка. Пусть опыта у нее нет, но нежность в глазах спрятать она не смогла.

Может, ей просто неловко, поскольку она в пижаме? Наверное, ему следовало предложить ей подняться к себе в квартиру и переодеться.

Дэн нажал на кнопку вызова в мобильнике и зашагал вперед по занесенной белым снегом улице. Что бы с ней ни происходило, ей придется это преодолеть. Сам он не справится.

Кэрри, застыв, продолжала сидеть на диване.

Того, что сейчас происходит, быть не должно.

В груди словно лежала тяжеленная гиря и мешала дышать.

Ребенок сердито скривил губы. Почти так же сердито, как Дэниел Купер, когда она попыталась – и весьма неубедительно – сослаться на свое неумение управляться с детьми. Он наверняка счел ее стервозной особой, но ей все равно.

Вдруг слезы полились по щекам. Это же чей-то ребенок. Живое, дышащее, бесценное существо... этот кулечек. Что же такое творится на свете, если кто-то был вынужден подбросить ребенка к чужой двери в снегопад?

Это несправедливо. Жизнь вообще несправедлива.

Когда она в последний раз держала ребенка, он не двигался. Его маленькая грудка не поднималась и не опускалась, как у этого крохи. И щечки не были розовыми.

Кэрри смахнула слезы. Сердце сжалось.

Она приказала себе не думать о своей дочке. Она не может думать о Руби Маккензи. Она не может допустить, чтобы это имя стучало у нее в мозгу.

Потому что тогда она полетит вниз. Она вспомнит детскую комнату и коляску. Вспомнит обычный осмотр у гинеколога, а затем срочное УЗИ. И те двое суток родов, после которых не было радостного крика.

Потом она вспомнит, как не справившись с тяжелой утратой, они с мужем решили расстаться.

Хныканье усилилось и переросло в громкие крики.

Она отдала бы все, что угодно, лишь бы услышать крики своей дочери. Лишь бы увидеть, как дочка сморщила личико и издала такой же вопль.

Кэрри приподняла ребенка на плечо. Пять минут. Дэн вернется через пять минут.

Она положила руку на клавиатуру компьютера и занялась поиском. Если она займет голову чем-то еще, то совладеет со своими чувствами, не позволит им захлестнуть ее.

«Как стерилизовать бутылочки».

Кэрри быстро пробежала глазами экран, а рука инстинктивно похлопывала ребенка по спинке. Она сделает это. Поможет Дэну приготовить бутылочку с едой, а потом уйдет. Он не может ждать от нее большего. А она не сможет дать большего.

Она должна стать другой. Выйти из плена своих переживаний... выбраться туда, где нет боли, нет воспоминаний. Только так ей раньше удавалось справляться с собой. И теперь только так она сможет отключиться от страданий.

Кэрри взглянула на часы. Прошло уже десять минут.

Запись на экране компьютера привлекла ее внимание. Черт! Охлажденная кипяченая вода. Сколько времени остывает вода, чтобы быть пригодной для младенца? Возможно, Дэн недавно вскипятил чайник. Кэрри с ребенком на руках подошла к кухонному столу и потрогала чайник. Холодный. А когда приподняла его, то поняла, что чайник пустой.

Кошмар.

Она открыла кран, наполнила чайник и включила.

И тут услышала... это.

Сначала тихое хлопанье. А затем под ладонью, там, где рука снизу держала ребенка, потекло что-то теплое. И растеклось у нее по животу.

Он без подгузника.

Сердце у нее упало. Неужели эта ужасная ночь никогда не кончится?

Глава 3

Когда Дэн закончил свой рассказ о найденном ребенке, лейтенант полиции громко и от души расхохотался.

В трубке Дэн слышал шум, царивший в участке. Он должен быть там и помогать, а не добывать детское питание.

В отличие от шефа мистер Мелтцер проявил большее сочувствие. Он выложил на прилавок упаковки смеси и отмахнулся, когда Дэн хотел заплатить.

– Я буду только рад, если помогу этому малышу выжить.

Вот бы все думали так же, как мистер Мелтцер.

Дэн вернулся домой и сбросил снег со своих любимых бейсбольных ботинок. Их уже не починить.

Кэрри с нетерпением ждала его.

– Вы принесли молоко?

Он кивнул и водрузил пакеты на кухонный стол.

– Вот это да. Столько всего?

Он стянул куртку.

– Кто знает, сколько понадобится младенцу. Мистер Мелтцер просто выложил все с полок и сказал, что лучше взять побольше.

Кэрри открыла один из пакетов:

– Надеюсь, там есть пеленки и соски?

– Что? Вы о чем?

– Ну, подгузники и пустышки. Кажется, у вас, американцев, это звучит так? Он волнуется, а чтобы простерилизовать бутылки, нужно время. – Она порылась в пакетах. – А где бутылочки?

– Откуда этот запах? – Дэн поморщился и посмотрел на нее. – О нет. Не может быть... он же еще не ел. – И вытащил пачку детских носовых платков. – Это подойдет?

Кэрри кивнула.

– У вас есть полотенце, на которое можно его положить? Главное сейчас – это завернуть его в пеленку.

Дэн подошел к стенному шкафу и стал рыться на полках с постельным бельем.

– Где-то у меня был новый комплект полотенец. Мой друг Дейв недавно женился. Его завалили подарками. А, вот, нашел. – Он извлек несколько темно-синих полотенец и расстелил на ковре подальше от огня камина. Повязка ему очень мешала, не говоря уже о постоянной боли в запястье. – Подойдет? – спросил он.

– Подойдет, – пробормотала Кэрри сквозь зубы, схватив пакет с подгузниками и пачку носовых платков. – Крем у вас найдется?

– Крем? Для чего?

– Чтобы смазать детскую попку, разумеется. Всем известно, что ребенка смазывают кремом, чтобы не было раздражения от подгузников.

Он пожал плечами:

– Мистеру Мелтцеру это, кажется, неизвестно, хотя про все остальное он знает. – Дэн сунул руку во вторую пластиковую сумку. – Посмотрите, готовая смесь в картонке. Порошковая тоже есть, но он сказал, что эту можно использовать сразу.

Кэрри сердито на него взглянула, укладывая ребенка на чистое полотенце. Когда она развернула одеяло, то от противного запаха оба фыркнули. А ребенок, обрадовавшись свободе, задрыгал ножками.

– Каким образом все это вышло из такого крохи? – Дэн еле удержался, чтобы не заткнуть нос пальцами.

Кэрри покачала головой и вытащила бумажный носовой платок из пачки.

– Понятия не имею, но следующая какашка – ваша.

Он в ужасе посмотрел на нее:

– Ни за что. – И махнул рукой в розовом гипсе. – Представляете, если туда прилипнет кусочек... этой гадости? Вонять будет постоянно. Я буду благоухать этим недель шесть. Вы-то можете хотя бы вымыть руки.

Кэрри сосредоточенно вытирала младенца, выбрасывая грязные носовые платки в мешок для использованных подгузников. Она вытащила из пачки чистый подгузник и придирчиво осмотрела:

– По крайней мере, вы купили нужный размер.

– Да там столько всего было на полках... Мистер Мелтцер сам их выбрал.

Она подняла брови:

– А не попросить ли его побыть нянькой? По-моему, он единственный, кто хоть что-нибудь знает об уходе за новорожденными.

– Я попытался, но он на это не клюнул.

Кэрри нацепила подгузник и закрепила липучками.

– Вот так лучше. Жаль, что запах не исчез. – Она подобрала одеяло. – Это надо постирать.

Где у вас стиральная машина?

– В подвале.

Она вздохнула:

– Не могу понять ньюйоркцев. Почему у всех стиральные машины находятся в подвале? – Она взмахнула руками. – Здесь полно места. Почему не поставить стиральную машину на кухне? В Лондоне все держат стиральную машину на кухне. И не надо спускаться вниз, чтобы постирать.

– Бойтесь оставить свое нижнее белье без присмотра?

Краска залила ей щеки. Она ищет способ, как сменить тему разговора, а он почти читает ее мысли.

Она кивком указала на кухонный стол:

– Нам надо простерилизовать бутылочки.

– Кажется, мистер Мелтцер дал мне для этого специальные таблетки. – Дэн сунул руку в одну из пластиковых сумок.

– Вполне возможно, но, судя по данным в Интернете, бутылки необходимо стерилизовать в растворе тридцать минут. А если мы их прокипятим, у нас уйдет всего десять, и мы быстрее его накормим.

– Может, дать ему пока соску-пустышку?

Кэрри отрицательно покачала головой:

– Соски тоже надо простерилизовать. И нам нужна только охлажденная кипяченая вода для сухого молока. Но я понятия не имею, сколько времени вода стынет после кипячения. И я не знаю, поставить ли молоко в холодильник или держать при комнатной температуре – в Интернете самые разные мнения. – Лицо у нее покраснело еще сильнее, слова быстро вылетали изо рта. – Я же вам говорила: я в этом не разбираюсь. Я совершенно не представляю, что делать.

Он почувствовал ее волнение, потому что и сам волновался не меньше.

Присутствие женщины в своей квартире – и к тому же неожиданно свалившейся ему на голову – выводило его из равновесия. Но и обстоятельства необычные. Ему необходима помощь Кэрри Маккензи. Он один не справится, а она хочет все бросить и убежать.

И еще он чувствовал себя не в своей тарелке оттого, что красивая англичанка вторглась в его жизнь. Но сейчас дело не в нем, не в том, что Дэниел Купер оберегает свое личное про-

странство. И совсем не важно, что его связи всегда длились несколько месяцев, поскольку он не хотел, чтобы кто-то уютно обосновался в его доме... настолько уютно, чтобы начать задавать вопросы о дальнейшем. Дело в ребенке. В ребенке, которому нужна помощь от двоих взрослых людей.

Итак, он сделал то, чему бабушка всегда его учила, – в голове звучал ее голос: «Добьешься добра от людей, если будешь говорить им хорошие слова и благодарить их за то, что они делают».

Дэн коснулся руки Кэрри:

– Кэрри Маккензи?

– Что? – вздрогнула она. Глаза у нее блеснули от слез, она вот-вот разрыдается.

Он легонько сжал ей руку:

– Вы потрясающе себя ведете.

Мир замер, а ее внутри этого мира не было.

Это – один из ее безумных снов. Когда среди кошмара появляется рыцарь в сверкающих доспехах. Смысла в этом сне нет. Это все происходит не наяву. Она наверняка заснула на диване у себя в квартире. Через несколько минут она проснется, и это закончится. И она обо всем забудет.

За исключением темных глаз, которые продолжают смотреть на нее.

И взгляд был такой, словно он понимал больше, чем хотел показать. Словно заметил, что она на грани истерики.

Но откуда ему это знать? Она чужой для него человек.

Дэниел Купер – энергичный нью-йоркский полицейский. Такие парни сродни герою из романтических фильмов, в которого влюбляется героиня и который увозит ее на фоне солнечного заката. Хороший парень.

Такой человек способен позаботиться о подкинутом ребенке.

Во рту у нее пересохло, и она с трудом сглотнула слюну. В горле словно поселилась гигантская черепаха.

Она опустила глаза, а он положил ладонь ей на руку. Это было... приятно.

Вот то, чего она больше всего боялась.

Когда последний раз кто-то так касался ее? На похоронах? Утешение. Поддержка. Жалость. Тогда очень многие пожимали ей руку.

Но не так, как сейчас.

Он улыбнулся ей. Какая у него белозубая улыбка... Чувственная. От такой улыбки рассеивается кошмар, в котором она пребывала.

Из полотенца раздался крик. Дэн убрал руку и посмотрел вниз:

– Малыш требует еды. Поставлю бутылочки в кастрюлю.

Кэрри стала просматривать содержимое пакетов, принесенных Дэном. Пять расфасованных картонок с детским питанием, два различных вида сухого молока, подгузники и целая гора бумажных носовых платков.

Она скрестила руки на груди, наблюдая за тем, как Дэн опустил бутылочки и соски в воду для кипячения.

– Дэн, а одежда? Что мы на него наденем?

Он наморщил лоб:

– Черт, я чувствовал, что забыл кое о чем. У мистера Мелтцера нет детской одежды, а рядом нет магазинов, где продавались бы эти вещи. Разве нельзя оставить его в подгузнике?

Кэрри покачала головой:

– Вы не знаете никого в доме, кто имел детей и у кого остались бы вещи для младенцев? Вы давно здесь живете?

Он поджал губы и заморгал с таким видом, будто не уверен, как ответить на вопрос. Потом отвел глаза:

– Я жил здесь... время от времени. Это была квартира моей бабушки.

– Да? – Теперь все стало ясно. Каким образом молодой человек с зарплатой полицейского может позволить себе жить в дорогом районе Вест-Виллидж? Она огляделась, лишь сейчас обратив внимание на обстановку. Несколько предметов не выглядели современными: буфет, качалка в углу у окна, маленький антикварный столик около входной двери – на нем сейчас лежат ключи. А кухня оборудована уже по-современному. Старое и новое... это ласкало взгляд. – Приятная квартира. И просторная. Вы счастливчик.

Он фыркнул:

– Да, я такой. Родился счастливым. – И быстро сменил тему. – Десять минут почти прошли. Как только мы накормим этого парнишку, я поднимусь к миссис Ван-Дайк. Там раньше жила вся ее семья, и у нее могли остаться какие-то вещи, которые нам пригодятся.

– Миссис Ван-Дайк? Это дама со второго этажа? Она словно сошла с «Мейфлауэра»⁴ и выглядит так, будто ей шестьсот лет.

– Если судить по ее словам, то ее семья прибыла вместе с первыми голландскими поселенцами. И ей никак не дашь шестьсот лет. Она очень проницательна и за последние двадцать пять лет несколько не постарела. – Он выключил горелку и подмигнул Кэрри. – Можете спросить у нее, каким кремом она пользуется.

Кэрри схватила пакет с пустышками и запустила в Дэна.

– Осторожно, в квартире ребенок. Так можно и его задеть. – Дэн посмотрел на часы. – Наверное, уже поздно стучать в дверь миссис Ван-Дайк. – И перевел взгляд на хнычущего малыша – тот ждал молока.

Кэрри стояла рядом с Дэном, скрестив руки на груди.

– Вы шутите. Миссис Ван-Дайк смотрит телевизор до четырех часов утра. И она, по моему, немного глуховата, потому что я не могу заснуть, когда она в сотый раз смотрит «Диагноз: убийство» или «Она написала убийство». Этой даме необходим слуховой аппарат.

– На самом деле? Уверен, она ни за что в этом не признается. – Он произнес это по-доброму. Видно, он хорошо знает свою пожилую соседку.

– Тогда в чем дело? Что со мной не так? – Слова вылетели у нее сами по себе.

– Я не понял...

– Выходит, вы знакомы с остальными жильцами, но мне ни разу не сказали просто «привет».

Он зарделся. Невозмутимого Дэна это смутило. Он справился с тонной снега, упавшего с крыши, его даже не испугал подброшенный ему под дверь младенец, но сейчас? Он отвел глаза и не сразу нашелся что ответить.

– Да... И прошу за это прощения. Я решил, что вы здесь всего на несколько дней.

Она вздохнула:

– Дэн, я здесь уже два месяца. Целых восемь долгих недель, и это место не показалось мне очень дружелюбным.

Он поморщился:

– Я почти слышу голос бабушки, которая ругает меня за плохие манеры. Я заметил вас, разумеется, но у вас всегда был такой вид, будто вы решаете мировые проблемы и не расположены к разговору.

Теперь поморщилась Кэрри. Да, Дэн отличный полицейский. Он умеет читать мысли других.

Кэрри пожалала плечами:

⁴ «Мейфлауэр» – корабль, доставивший в Америку первых поселенцев в 1620 году.

– Достаточно было просто пожелать доброго утра.

Она подошла к плите и слила вскипевшую воду в раковину.

Он встал у нее за спиной, почти касаясь подбородком ее плеча, взял бутылочки и соски и разложил их на чистом полотенце на столе.

– Кэрри, вы абсолютно правы. Мне следовало сказать «привет». Пожелать доброго утра.

Она слегка к нему повернулась. Хотя он не дотронулся до нее, она чувствовала его тепло. Кэрри хотела отойти, отодвинуться, но... тело ее не слушалось. Губы сложились в улыбку, а взгляд потянулся к его карим глазам. Как приятно снова находиться с кем-то совсем близко. Его губы в дюйме от ее губ. А он думает то же самое, что и она?

Тут ребенок издал сердитый вопль, и они оба одновременно подскочили. Кэрри взяла в руки картонку с детской смесью и спросила:

– Ножницы у вас найдутся?

Дэн вытащил из ящика шкафа ножницы, отрезал кончик упаковки и вылил содержимое в бутылку, а Кэрри осторожно натянула соску на ободок бутылки и закрепила кольцом.

Они посмотрели друг на друга, и Дэн спросил:

– Разве не надо подогреть молоко?

Кэрри покачала головой:

– Судя по Интернету, температура должна быть комнатной.

– А, понятно.

Молчание. А с пола раздавались крики.

– И кто из нас его покормит?

– Вы.

– А если я что-то сделаю неправильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.